

за это не надо было. Мы выкладывались, вкалывали с утра до ночи. Это каторжный труд. Каждый день я была как выжатый лимон.

— И все же, кем вы сами считаете себя в первую очередь — театральной актрисой или экранной?

— Конечно, хотелось бы и в кино сниматься. Но вы же знаете, как с этим сейчас. Поэтому главное для меня — мир театра.

— А как вы вошли в этот мир?

— Из своего родного Долгопрудного, на смех всему городу, я поехала поступать в Щукинское. И поступила с первого же раза, получив две «пятьки» по актерскому мастерству, что, кстати, бывает редко. Я, сколько себя помню, хотела быть актрисой. Занималась в театральной студии, которую много лет возглавляет моя тетя, Ирина Николаевна Тихонова. Замучила всех бабушек во дворе своими перевоплощениями, устраивала концерты, натягивала в качестве декораций простыни — был просто сумасшедший дом.

— На сцену Вахтанговского вы вышли уже на втором курсе. Страшно было?

— Жутко! Мне эта сцена по сравнению с нашей, студенческой, казалась аэродромом. А ведь еще и зал, откуда сотни людей на тебя смотрят. Я вся тряслась. А потом привыкла. А сейчас это, вообще, уже родное.

— И не единственное родное. Ведь ко времени первого выхода на сцену у вас уже был сын.

— Да, я рано вышла замуж и сразу решила рожать. И когда сообщила моему мастеру Владимиру Владимировичу Иванову, что беру академотпуск, он сказал: «Дорогая моя, садись за учебники, и если сдашь сразу за второй курс, после отпуска вернешься опять к своим». И я на седьмом месяце сдавала сразу за первый и второй курсы. И сдала. И вышла на сцену.

— И очень скоро вас уже заметили в роли Екатерины в «Царской охоте».

— Очень сложная была работа. Самое главное было понять, что моя героиня — в первую очередь женщина, а не царица. Под конец я так зарепетировалась, что уже по пути в метро — машины у меня тогда не было — всматривалась в свое отражение в темном стекле и видела там у себя уже совершенно иную осанку, взгляд. Я чувствовала, как меняюсь на глазах.

— Теперь вы опять целыми днями пропадаете в театре. Надо ждать премьеры?

По моему, меня легко узнать

— Да, в начале декабря. Молодой режиссер Алексей Герба ставит в нашем Вахтанговском пьесу Стриндберга «Фрекен Жюли», и я там играю. Моя новая героиня — полная противоположность моей любимой Прони...

— ...из спектакля «За двумя зайцами», за которую вы и получили «Хрустальную Турандот»?

— А недавно еще и Государственную премию Москвы от Юрия Лужкова. Но и это не все. Вы не представляете, как реагируют зрители. Постоянно всем актерам стараются передать подарки, корзины с цветами. А одна женщина бывает на всех спектаклях и каждый раз шлет мне письма.

— Вы только что вернулись из Израиля. Вы туда свою Проню возили?

— Нет, возили мы постановку Виктюка «Я тебя больше не знаю, милый». Там играют Людмила Васильевна Макасова, Сережа Маковецкий, Фима Шифрин...

— Говорят, с Виктюком работать сложно.

— Кому как. Во время репетиций он кричал, сходил с ума. Но от ощущения какой-то необычайной любви, вечной весны — я не преувеличиваю — от этого ощущения я не могу до сих пор избавиться.

— Целый год — «Клубничка». Гастроли, репетиции. И сын. Как

вы все это успеваете? Родители помогают?

— У нас была очень дружная семья, которая все понимала. Но три года назад я потеряла маму. Мы жили очень дружно — мама, папа, я и мой брат Саша. У нас на кухне стоял круглый стол, был обычай — на ужин никто не имел права опаздывать. Удивительное время, которого сейчас нет. Родители были заядлыми туристами. Мы ходили в походы на байдарках.

— Сейчас не получается?

— А когда? Вот этим летом собрались впервые за четыре года отдохнуть в Анапе, но так «наотдыхались», что до сих пор не можем в себя прийти! Вернулись, а нас обокрали дочиста!

На фоне мелочей, которые украшают нашу жизнь

А и ц о н е д е л а